

ЕВГЕНИЯ ПОЛЬСКАЯ

„ПРОДЕЛКИ НА КАВКАЗЕ“

Под таким названием в 1844 году в Петербурге вышла книга, наделавшая много шума. «В моем романе все лица небывалые и никогда не существовавшие», — предупреждал читателей автор, взявший к своему произведению эпиграф: «Не любо, не слушай, а лгать не мешай!» Однако каждый, знакомый с ходом Кавказской войны, легко узнавал в сатирически обрисованных персонажах повести деятелей военного командования Кавказа. Военный министр Чернышев прочел повесть, ужаснулся и сказал начальнику штаба корпуса жандармов Дубельту:

— Книга эта тем вреднее, что в ней что ни строчка, то правда.

Со своей стороны, Дубельт тотчас же обратился с письмом к министру народного просвещения Уварову: «В типографии Жернакова отпечатана книга под заглавием «Прodelки на Кавказе», сочинения Е. Хамар-Добанова. Как в этом сочинении является много сомнительных мест, которые не должны быть передаваемы читающей публике, и как книга сия поступила уже в продажу... в Санкт-Петербурге, в книжных магазинах Ольхина и у многих книгопродавцев в Москве, то... не признаете ли вы, милостивый государь, необходимым обратить особенное внимание на это сочинение».

В тот же день, по распоряжению военного генерал-губернатора Кавелина, книгу изъяли из столичных книжных магазинов. В Москву тоже полетело строжайшее предписание о немедленной

конфискации «крамольной» книги. Лишь немногие ее экземпляры успели разойтись в Петербурге, Москве, Варшаве и Тифлисе.

Жандармы поспешили навести справки о личности самого автора. Им неожиданно оказалась женщина — Екатерина Петровна Лачинова, дочь камергера Шелашникова, жена бывшего генерал-интенданта Кавказского отдельного корпуса.

Выяснилось, что уже в 1842 году в журнале «Библиотека для чтения» за подписью Е. Хамар-Добанов был помещен отрывок из этой повести с примечанием редакции, что он принадлежит перу «одной даровитой русской дамы». «Эта занимательная и разнообразная картина особенных нравов, необыкновенных характеров и чудесных происшествий, освещенная лучом тонкого, пронизательного взгляда умной женщины, обещает нам чрезвычайно интересный роман, который вскоре явится в свет под заглавием «Кавказские проделки» — такой отзыв отрывку дал Осип Сенковский — «Барон Брамбеус». «Не лишенным некоторого интереса» назвал этот отрывок, напечатанный под названием «Закубанский Харамзаде», и В. Г. Белинский в обзоре русской литературы за 1842 год. Жандармы дознались, что у Е. П. Лачиновой есть еще много приготовленных к печати рукописей. За писательницей установили полицейский надзор. Было предписано обратить особое внимание на ее сочинения.

О содержании повести пошли толки и пересуды.

Интерес к книге подогрела появившаяся, несмотря на строжайший запрет писать о ней, рецензия в июньском номере «Отечественных записок». Все заговорили о книге, рисовавшей в самом невыгодном свете кавказское военное командование. Передавали слова Николая I, обращенные к военному министру Чернышеву: «Мы ничего не знаем о Кавказе, а эта дама открывает нам глаза». Многих заинтересовало, что же это за сочинение, которое принесло столько забот и волнений высшим сановникам империи? В своем дневнике А. В. Никитенко 22 июня 1844 года писал о книге: «В ней довольно резко описаны беспорядки в управлении на Кавказе и разные административные мерзости». А. И. Герцен в дневнике за 8 августа 1844 года заметил: «В этой книге описываются в самом неприглядном виде похождения офицеров Кавказской армии».

Повесть рассказывала о службе на Кавказе капитана Александра Пустогородова. В молодости он, по словам кавказоведа Е. Г. Вейденбаума, «увлекался ролью политического заговорщика», был разжалован в солдаты и сослан на Кавказ, где скоро вернул себе офицерские эполеты. Однако в глазах начальства он имел репутацию беспокойного и строптивого офицера. Это обрекло его на прозябание в глухой станции Кавказской линии. Такой герой повести тотчас привлек внимание передовых людей России. Не прошло незамеченным, что уже сам псевдоним автора «Хамар-Добанов» намекал на горный хребет Хамар-Добан в За-

байкалье, у подножия которого декабристы отбывали каторжные работы.

В повести большое место занимает описание жизни военного общества Ставрополя, «водяного общества» Пятигорска и Кисловодска.

На страницах повести возникает знаменитая в те времена гостиница Наитаки. Автор ядовито рисует типы надменных гвардейских офицеров, искавших на Кавказе дешевых отличий и свысока смотревших на кавказских служак — армейских офицеров, годами тянувших тяжелую служебную ляжку и «ломавших» все военные походы тех лет.

Перед читателем проходит целая галерея лиц лермонтовского окружения на Кавказе. Это полковник Адамс (К. К. Данзас, лицейский товарищ и секундант Пушкина), князь Галицкий (В. С. Голицын), майор Лев (Л. С. Пушкин) и другие.

Уже Л. П. Семенов в книге «Лермонтов на Кавказе» справедливо заметил, что «Проделки на Кавказе» служат «ценным комментарием к «Герою нашего времени» и «Кавказцу». Подчеркивая связь своей повести с лермонтовским романом, Е. П. Лачинова перенесла в «Проделки на Кавказе» даже образ Грушницкого. Вот как показано его появление в ставропольской гостинице Наитаки, где уже остановились два брата Пустогородовых — Александр и Николай — давнишний знакомый Грушницкого. «Легко можно было заметить, что этот молодой человек дерзок в обращении не по природному влечению, но по принятому образу поведения, основанному на расчете и на желании произвести особенное впечатление.

— Здорово, Пустогородов, — сказал он резким басом, протягивая руку Александру. Тот посмотрел на него со вниманием и холодно отвечал:

— Грушницкий, кажется?

— Да!.. Только что приехал. Послан по важнейшему

поручению.

И Грушницкий окинул взором всех присутствующих, желая насладиться впечатлением, произведенным его словами. Увидев, однако, что никто не обращает на него внимания, он сжал губы и улыбнулся с досадой, потом повернулся к зеркалу и, с полным самодовольством поправляя волосы, то есть растрепывая их еще более, спросил:

—Имеете ли известие о вашем брате?

—Вот он! — отвечал Александр, указывая на Николашу.

—А, Пустогородов! Здравствуй, старый товарищ!..

Далее разговор заходит о Печорине:

—Да какими судьбами ты еще сетуешь по земле? — спросил Николаша. — Мы все читали записки Печорина...

—И обрадовались моему концу! — прибавил Грушницкий.

Потом, немного погодя, перекидывая эксельбант с одной пуговицы на другую и не спуская глаз с зеркала, он промолвил со вздохом:

—Вот, однако ж, каковы люди! Желая моей смерти, они затмилась до того, что не поняли всей тонкости Печорина. Как герой нашего времени, он должен быть лгун и хвастун. Поэтому-то он и поместил в своих записках поединок, которого не было. Что я за дурак — перед хромым лекарем, глупым капитаном и самим Печориным хвастать удалством! Кто бы прославлял мое молодечество?.. А без этих условий глупо жертвовать собою. Вот здесь дело иное. — И, став боком, он протянул руку, будто держа пистолет, и устремив глаза в зеркало:

—С чего же взяли эту историю?

— Мы просто с Печориным поссорились, должны были стреляться. Комендант узнал и нас обоих выслал к своим полкам. Другого Грушницкого не было, нет и не будет!» — самодовольно рисуясь, говорит он о себе.

«Проделки на Кавказе» привлекали многих исследователей. Однако никто до сих пор не останавливался на похождениях Грушницкого в гостинице Наитаки, похождениях, которыми полностью вторично разоблачался этот псевдоромантический лермонтовский герой. Проиграв в карты Николаше последние деньги, он запустил в партнера колодой, ударил стулом об пол и разбил его вдребезги. Николаша показал игроку на дверь. Грушницкий стал буянить, грозя ему дуэлью. На шум, поднятый в номере гостиницы, пришел старший брат Александр. Он позвал слугу, чтобы вывести Грушницкого. Тот схватил пистолет и выстрелил.

Но «люди, подобные Грушницкому, — замечает автор, — не убивают. Им необходимо только производить эффект: в том все их честолюбие». Эти слова перекликаются с замечанием о Грушницком самого Лермонтова: «Он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение».

Выстрелив в окно, Грушницкий взял в руки кинжал, сел на кровать и сказал с важностью: «Первого, кто подойдет ко мне, посажу на кинжал».

— Завтра же утром стреляюсь с вашим братом насмерть, — заявил он Александру Пустогородову, — один пистолет заряженный, другой — нет. Если ваш брат откажется от поединка, то, где бы с ним ни встретился, или убью его как негодяя, или надаю пощечин».

На выстрел, раздавшийся в гостинице, примчался полицеймейстер, вызванный Наитаки. Александр представил ему дело так, будто Грушницкий случайно разрядил

свой пистолет. Полицеймейстер, старый приятель старшего Пустогородова, хотя и знал все подробности, но удовлетворился его разъяснением. Он потребовал, однако, от Александра дать подписку, что тот не выйдет на дуэль с Грушницким.

Грушницкий и после этого не унялся, требуя, чтобы Николаша выбрал себе секунданта:

— Я вас ожидаю завтра в семь часов утра в лесу у 4-ой версты по московскому тракту, — дерзко объявил он.

Александр сказал, что никакого поединка не будет. Тогда Грушницкий сделал вызов и ему.

— Я с вами стреляться не буду, — возразил Александр с презрением, —

чтобы не запятнать своей доброй славы. Вы не стоите того, чтобы я имел с вами дело!

Случай в гостинице всполошил ставропольские власти. Комендант приказал Грушницкому не отлучаться из дому без его позволения, а плац-адьютант сидел у него в квартире, следя за каждым шагом необузданного в страстях офицера. Доложили генералу. Тот приказал выпроводить Грушницкого из Ставрополя за сто верст с казаком или жандармом. Но тут проигравший в карты около тысячи рублей Грушницкий заявил, что у него нет ни копейки денег. Ими ссудил его на дорогу Александр Пустогородов.

«— Охота тебе, Александр, давать деньги подобным людям! — сказал брату Николаша. — Теперь Грушницкий будет везде рассказывать, что вызывал тебя стреляться, а ты струсил и, желая скорее избавиться от него, снабил даже суммою на дорогу... Я давно знаю этого молодца!»

«— Пускай говорит что хочет — был ответ Александра. — Кто меня знает, тот не поверит. От клеветы ничем не предостережешься. Впрочем,

Грушницких, много на свете... Эти люди — истинная язва. От них ничем не отвяжешься. У них нет ни стыда, ни совести. Впрочем, им терять нечего! Отвратительные творения!..»

Со времени выхода «Проделок на Кавказе» этот, описанный в повести, занятый гостиничный эпизод нигде в литературе не приводился. Вслед за М. Ю. Лермонтовым Е. П. Лачинова, в меру своих литературных способностей, снова в нем разоблачает часто встречавшиеся тогда на Кавказе типы грушницких...

Недавно стало известно письмо Е. П. Лачиновой на имя шефа жандармов Орлова, где она пытается отвести подозрения, что «была руководима в этом сочинении кем-то враждебным к правительству», и указывает, что при работе над повестью пользовалась заметками об экспедициях, полученных ею от двух офицеров, «один из коих позднее погиб на дуэли, а другой, как храбрец, пал на поле боя». Письмо позволяет думать, что этими офицерами были М. Ю. Лермонтов и А. А. Бестужев-Марлинский. Книга трагической судьбы — «Проделки на Кавказе» — пронизана декабристскими идеями в оценке Кавказской войны. В этом, несомненно, сказалось влияние Бестужева-Марлинского, который встречался с автором «Проделок» — красавицей-генеральшей в Тифлисе. Некоторые в этом декабристе видят прототип самого героя — Александра Пустогородова. Появлению же на страницах повести персонажа из «Княжны Мери» — Грушницкого и некоторых лиц лермонтовского кавказского окружения мы, видимо, обязаны встречам писательницы на Кавказе с опальным поэтом.

Смелая попытка Е. П. Лачиновой критически отнестись к военным делам на Кавказе навлекла на нее гнев и репрессии. Запрещение и уничтожение первой повести повлияли на дальнейшую литературную деятельность

одаренной писательницы. Ее другое произведение — «Два имама», также посвященное Кавказу, так и не увидело света. Русские же читатели моглизнакомиться с «Проделками на Кавказе» лишь по вышедшему в 1846 году в Лейпциге немецкому переводу — «Москвитяне и черкесы».

Долгие годы после выхода повести из печати эта «опальная книга» о Кавказе оставалась какой-то странной загадкой среди других произведений русской литературы. Теперь она во многом разгадана. Уничтоженные жандармами полумемуарные «Проделки на Кавказе» представляют один из интереснейших историко-литературных памятников в нашем кавказоведении...